

ОСЕННИЙ ПРОРЫВ

Ростовскому симфоническому оркестру сегодня трудно. «Трудно всем», – скажете вы. Но не везде сменился руководитель, не все симфонические коллективы ослаблены потерями артистов из числа лучших. Сложись ныне обстоятельства по-другому, оркестр ждал бы скорый упадок и полный развал.

К радости, мы наблюдаем противоположное. За пять недель – октябрь и начало ноября – оркестр выступил под управлением трех именитых маэстро и дал семь аншлаговых концертов. Коллектив, похоже, работает с полной самоотдачей и получает от этого большое удовлетворение (пока только моральное). И значит – растет.

Причины этого счастливого парадокса должны стать предметом специального анализа, перечислю лишь самые очевидные: возросший дефицит духовных ценностей на фоне неуклонной инфляции ценностей материальных, новые дирижерские имена и привлекательные программы. Высокая организационно-творческая активность Е. Г. Уринсона, которого ростовчане знают как мастера музыкаловедческого комментария, и который совсем недавно получил официальное назначение на административный пост директора оркестра. Наконец, такая важная «мелочь» как перенос начала концертов на 18 часов (ведь чем позднее, тем более ненадежен наш бедный транспорт, и тем наглее шпана).

Другое дело, что филармония... оказалась неготовой к наплыву публики: не справляется единственная касса, не хватает гардеробщиц. И табличка «Все билеты проданы» еще не заказана.

Главным героем того вечера, о котором я пишу, был дирижер, народный артист СССР, профессор Арнольд Кац. Некогда, приехав после окончания Ленинградской консерватории в Новосибирск, чтобы организовать симфонический оркестр, он сказал себе: «Хочу создать коллектив высочайшего класса – как Мравинский в Ленинграде». И вот уже 36 лет твердою рукой ведет оркестр от успеха к успеху: 20 дисков грамзаписей, регулярные гастролы в Москве и Петербурге, два зарубежных турне ежегодно, менеджерские конторы в Англии, Германии и Москве, высокие зарплаты (я знаю цифры, но не хочу расстраивать читателей – коллег-бюджетников). Настойчив, целеустремлен, умеет добиваться своего не только за пультам. В свое время смог «выбить» для своих оркестрантов 1,5 тысячи квадратных метров жилья.

Он замечательный дирижер, педагог, воспитатель. Его девиз: «Надо уметь работать с любым коллективом. Нет плохих оркестрантов – есть плохие дирижеры». Насколько я могу судить, побывав всего на двух репетициях, едва ли не главная его цель – ансамбль, понимаемый как свободное музицирование оркестровых групп и голосов при абсолютном слышании каждым всей симфонической ткани.

Программа концерта составлена и «прочитана» дирижером таким образом, что можно предположить: наиболее полно Кац раскрывается в музыке, исполненной патетики, блеска и силы. Пятый фортепианный концерт Бетховена, симфоническая поэма Штрауса «Смерть и просветление», увертюра к опере Вебера «Эврианта». Музыкальный свет, считает Кац, держится на двух культурах – русской и немецкой.

Солировавший в концерте А. Писарев скорее разочаровал. Питомец Ростовской детской музыкальной школы им. Римского-Корсакова, он учился затем в столице, стал лауреатом международных конкурсов, работает в Московской консерватории. Бесспорно, он хорошо обучен, с технической стороны игра его безукоризненна. Но вот его интерпретация Бетховена неубедительна – ни темпами, ни смягчением героики, ни некоторой размагниченностью звука в лирических эпизодах. Оркестр отчасти компенсировал издержки, стараясь не просто «не мешать» и даже не только «помогать» солисту, но быть интересным. Но компенсировал лишь отчасти.

В поэме Штрауса Кац уверенно вычерчивает драматургический «рельеф» с господствующими над ним вершинами, следит за непрерывностью музыкального тока, в то же время не отказывая себе (и нам) в удовольствии полюбоваться роскошным декором и импозантностью позднеромантической партитуры. Оркестр, пусть не с первых тактов, находит тонус, отдается во власть дирижера и музыки, даря залу красивые соло, благородное звучание хора медных, слитное пение струйных.

А «Эвриантой» (Кац включал увертюру в программу своего ростовского концерта и в 1984 году) остался бы доволен, мне кажется, сам Вебер, бывший, как известно, превосходным капельмейстером. Оркестр без видимого напряжения взял предложенный дирижером головокружительный темп, был рыцарственно доблестен в героической сфере, деликатен и нежен, когда музыка окрашивалась в целомудренно-лирические тона.

Не упустить бы отвоеванных рубежей! Не утратить бы оркестрантам нацеленности на успех, соответствующего самоощущения. Развить бы и упрочить «осенний прорыв». Успех оркестра должен быть непременно замечен не только публикой. Энтузиазм нуждается и в материальной поддержке. Тогда успех станет стабильным.

Утро. 1992. 25 ноября